

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Е.Л. Панова

МЕДИКАЛИЗАЦИЯ ЗДОРОВЬЯ: ИЛЛЮЗИЯ, СПОСОБНАЯ РАЗРУШИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема конструирования человека социокультурной средой с точки зрения факторов, детерминирующих субъективное восприятие и понимание таких феноменов как здоровье и болезнь. Добровольный, ненасильственный характер конструирования во многом обеспечивается средствами массовой информации, являющимися эффективным инструментом формирования человека массового — пассивного объекта социокультурных метаморфоз. Здоровье представляется в качестве института, определяющим универсальные критерии нормы и патологии на всех уровнях жизнедеятельности человека (телесном, психическом, социальном). Настоящее исследование образа здоровья в СМИ как своеобразной «антропологической меры» позволило наметить некоторые координаты, по которым современный человек конструирует свое тело и психику.

Ключевые слова: философия, медицина, здоровье, биомедицина, человек, технологии, искусственная среда, природа, тело, психика.

Уже довольно давно все вопросы здоровья традиционно относятся к области медицины. Ситуацию обязательной «привязанности» здоровья к медицине можно назвать стереотипизированным способом оценивания современным человеком самого себя и своей роли в отношениях с природной средой. Для «современного цивилизованного человека характерно состояние, с одной стороны, противоестественного отчуждения как от внешней среды (окружающей природы), так и от среды «внутренней» (своего собственного тела)»¹. Возникшая в период Нового времени установка на техническое конструирование природы (в том числе и человеческой) к настоящему времени перевоплотилась в форму борьбы с ней, одним из инструментов которой выступает современная наука. «Всесторонняя «медикализация» жизни современного человека повышает комфортность его существования, но при этом, требуя коррекции и контроля над той или иной искусственно смоделированной «частью» его организма, вводит эти отчужденные от него элементы в некую искусственную систему организационных программ (...), которые уже по-

новому воссоздают естественную организменную целостность человека»². Медицина демонстрирует нарушение основного условия существования и развития культуры — хрупкого баланса между естественным и искусственным в жизни человека, — способного зайти так далеко, что человек, стремясь избавиться от своего «природного несовершенства», потеряет сам себя.

Участие медицины в социальном проекте по переконструированию природы человека стало бы невозможным без активного преобразования ее теории и практики. Так как медицина является глобальным социальным процессом, связывающим многие стороны общественной жизни, то одним из эффективных способов выявления характерных особенностей этих изменений может служить «сканирование» информационно-коммуникативного пространства социума путем исследования образа здоровья в средствах массовой информации. Актуальное состояние медицины — это лишь верхушка айсберга, олицетворяющего культурно-историческое развитие научного познания, в том числе и медицинского. Анализ трансформаций медицинской теории

¹ Нижников С.А. Пути обретения здоровья и мировоззрение // Философия здоровья. М., 2001. С. 23.

² Рыбин В.А. Эвтантизм. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. С. 60-61.

и практики, вызванных кардинальной сменой мировоззрений, позволяет выявить некоторые предпосылки современной кризисной ситуации, в том числе обуславливающих значение этих трансформаций, т.е. чем они были вызваны; каким универсальным стремлениям и потребностям человека они отвечали.

Биомедицина на страже здоровья

Исследование публикаций, посвященных здоровью, проводилось в массовых универсальных и специализированных СМИ за период с 2005 по июнь 2010 гг. В содержании текстов были выявлены общие признаки, которые не только позволяют утверждать о значительном доминировании медицинской интерпретации здоровья в СМИ, но и наглядно описывают характер и свойства медиализации здоровья.

1. Главными критериями оценки уровня состояния здоровья и обоснования причин его функциональных сбоев представляются вещественные, материально выраженные факторы, причем, независимо от того, воплощены ли они непосредственно в виде заметных глазу телесных проявлений, или обнаруживаются с использованием специальной техники на более «тонких» организменных уровнях. Необходимость их обнаружения обуславливается также их «податливостью» внешнему воздействию.

Это объясняется тем, что «философия здоровья, лежащая в основе традиционной медицины, исходит из общепринятого в научном сообществе понимания фундаментальных законов бытия и представлений о человеке, в котором физическое определяет психическое, а мысль рассматривается как функция мозга. Основа всего — материя, физическая, физиологическая ТЕЛЕСНОСТЬ»³. Пользуясь тем, что «мышление большинства сформировано существующей научной парадигмой»⁴, средства массовой информации целенаправленно замыкают человека в пространстве и протяженной материальной субстанции телесности, формируя тем самым видение человека только как тела.

Однако отражение научного принципа абсолютизации телесности получает в СМИ специфическое преломление. Таким образом выполняется своего рода функция поддержания стереотипа высокой авторитетности медицины как источника объективного знания о природе человека. Другими словами, создается впечатление, что деятельность медицины является не произвольной, а обусловленной независимым от человека абсолютным фактором — самой телесной материей.

2. Единственным инструментом «работы» со здоровьем представляются медицинские технологии различного порядка (диагностические, терапевтические, хирургические, генные и другие). К тому же в СМИ можно часто встретить подробное описание радикальных медицинских технологий, подразумевающих чрезвычайно агрессивное воздействие на организм и поэтому весьма сомнительных с позиции необходимости их массового использования. Особенно это касается публикаций, рекомендующих пластические операции и другие процедуры, приводящие к необратимым изменениям внешности.

Неточным было бы сказать, что средства массовой информации пропагандируют применение любых технологий, в том числе и радикальных. Они скорее искушают читателя; их увещевания попадают на благодатную почву уже сформированной медициной потребности постоянного вмешательства извне. В этом плане необходимость самого факта вмешательства для здоровья уже «не обсуждается», средствам массовой информации остается лишь предлагать потребителю более новые и эффективные медицинские технологии.

Технологическое вмешательство в телесную или психическую природу человека представляется в СМИ как способ возвращения к естественному, но по каким-то причинам потерявшему «исходно-здоровому» состоянию тела. В результате чего возникает видение природного тела человека не как природной данности, а как субстанции, требующей бесконечного «обновления» путем моделирования и конструирования. То есть, в массовом сознании формируется совершенно новый характер осмысления натуральности как того, что можно только обнаружить, выявить путем рукотворного вмешательства, «вылепливания» из однородного бесформенного телесного материала.

3. Формирование представления о здоровье как о состоянии отсутствия патологических симптомов. Соответственно, видение возможного спектра

³ Фесенкова Л.В., Шаталов А.Т. Мировоззренческий и научный статус валеологии (к проблеме построения общей теории здоровья) // Философия здоровья. М., 2001. С. 112.

⁴ Витулкас Дж. Новая модель здоровья и болезни / Пер. с англ. А.П. Семенова. М.: Классическая медицина, 2008. С. 33.

действий для сохранения, восстановления и поддержания здоровья ограничивается устранением патологической симптоматики, для чего призваны использоваться медицинские технологии. Однако определить их действительную необходимость оказывается весьма затруднительно, потому что на страницах изданий границы между здоровьем и болезнью, нормой и патологией, искусственным и естественным становятся все более неопределенными и размытыми и являются пространством интерпретации.

Р. Барт в своих «Мифологиях» писал о все более увеличивающейся экспансии в пространстве социального дискурса мифологического метаязыка. Обозначив миф как производное дискурса, искусственно созданную языковую конструкцию, Барт противопоставил его «естественному», «живому» языку, описывающему преобразование реальности. В подвергнутом мифологической «обработке» языке значения описываемых объектов теряют значительную часть своего смысла и предстают в виде образов, постоянно меняющих свое содержание.

Содержание публикаций о здоровье строится на оперировании такими фундаментальными для медицины понятиями как «тело», «здоровье», «болезнь», «норма» и т.д. Их использование подразумевает вполне конкретное, определенное медициной значение, но, будучи фактически мифологическими конструкциями, они представляют собой только внешне оформленные образы, способные заполняться любым содержанием.

4. Ориентация на унифицированную норму как на основной показатель, разграничивающий состояния здоровья и болезни. Эти нормы подаются СМИ как медицинские, что подразумевает высокую степень их императивности, даже при том условии, что некоторые из них не получают обязательной выраженности в природном субстрате тела, и их правомерность гарантируются только авторитетом медицины. Значительная же часть остальных нормативов здоровья, сохраняющих апелляцию к естественным процессам жизнедеятельности организма, не имеет ничего общего с реальными физическими патологиями и носит социально обусловленный характер. Как, например, стандарты красоты, отклонения от которых интерпретируются СМИ в качестве физических расстройств.

Не совпадающие с общепринятыми модными образцами индивидуальные особенности телесной конституции (форма губ, груди, носа; соотношение

мышечно-жировой массы и т.д.) позиционируются в СМИ как «неудачно» созданные природой. Наряду с телесными проявлениями, несущими на себе отпечаток индивидуального опыта, — старения организма (морщины, дряблость кожи) — они представляются как симптомы заболеваний, для устранения которых рекомендовано применение биомедицинских технологий, в том числе и радикальных, таких как пластическая хирургия. Таким образом, внешне воплощенные каноны красоты и молодости тела становятся социальными критериями здоровья, а медицина — инструментом моды. Недолговечный, постоянно меняющийся характер моды показывает, что требования социокультурной среды к индивиду заключаются не столько в императивном следовании жестким телесным канонам, сколько в принятии калейдоскопического характера их изменений и, следовательно, в перманентном преобразовании тела.

Еще одним регламентирующим здоровье нормативом, который активно внедряется в массовое сознание, является уровень платежеспособности. Почти через все рассмотренные сообщения СМИ о здоровье красной нитью проходит идея, что достижение и сохранение здоровья невозможно без осуществления финансовых затрат. Кроме того, мы определили, что почти каждая пятая публикация о здоровье является скрытой рекламой оздоровительных товаров или услуг. Главная задача рекламных текстов заключается в формировании у аудитории ответной реакции в виде стремления совершить акт покупки, но не однократно, а включаясь в непрерывный процесс потребления. Объектом купли-продажи в таком случае становится сам человек, его телесная и психическая природа.

Если каноны красоты и молодости служат источником постоянно меняющихся телесных образцов, то товарная сущность здоровья востребована как социальный механизм, необходимый для их воплощения уже в материи физического тела. Сам акт покупки так или иначе предполагает медицинское вмешательство, и конвейер перепроизводства здоровья и телесности человека, не регулируемый ничем, кроме рыночных отношений и моды, оказывается окончательно запущен. В этом контексте человек выступает как телесно воплощенное средство осуществления социальных ролей и функций, а его здоровье — как социальный институт, определяющий и регулирующий «нормальность» индивида, его «приемлемость» социокультурной среде. Однако позиционируется

оно средствами массовой информации (и, следовательно, осознается аудиторией) как естественный феномен.

Итак, медиализация здоровья представляет собой сложное социокультурное явление, которое заключается в проецировании узко специализированных научных (медицинских) принципов на культуру в целом, что провоцирует их становление в качестве культурных регуляторов. Сооруженная на основе этих принципов своеобразная «программа человека» реализуется биомедициной на материале его телесной и психической природы в соответствии с установленными социальным пространством рынка и моды динамическими образцами.

Медиализация здоровья показывает, что регулирующий эту сферу и общество в целом образ человека утрачивает свою целостность, «что человек в качестве и субъекта, и объекта культуры не «образуется» больше по линии универсальности, а воспроизводится по линии селективизации»⁵. Осуществляемая технологическим медицинским прогрессом «патологическая» доработка — это оптимизация, усовершенствование какой-либо изолированной функции в ущерб всем остальным, т.е. осознанная редукция универсальности, калечение человека по модели «компрачи́ков» с поправкой на современность»⁶.

Действительно устрашающие перспективы медиализации здоровья заставляют обратиться к рассмотрению основных этапов изменения в медицине образа человека (его сущности, назначения, конкретизация его «природы») и связанных с ним средств и методов достижения как существенных причин возникновения современного кризиса культуры.

Как медицина «потеряла» человека

По мнению В.А. Рыбина, специалиста в области философской и медицинской антропологии, ключевым фактором, обеспечившим переход медицины в статус науки, был отнюдь не высокий уровень медицинских технологий, а возникновение в ней специального свода правил, регулирующего поведение медиков, т.е. этического врачебного кодекса, представленного Клятвой Гиппократова. В ту пору

Клятва оценивалась в качестве фундаментальных нормативно выраженных знаний о человеке как о частице единого мирового Космоса, без которых знание о человеке в целом ограничено.

В гиппократовской школе больной впервые помещается в центр исследования и воздействия со стороны медика через призму осознанного всеобщего мышления. Это оказывается возможным, пишет Рыбин, «когда единственным условием оказания специализированной помощи становится исключительно факт наличия у него патологии при абстрагировании от всех иных факторов»⁷.

Исходя из императива «лечить больного, а не болезнь», Гиппократ отсекает все то, что не ведет непосредственно к результату — к исцелению, которое имеет ярко выраженное «антропогенное» значение. Целеполагающая точка отсчета для врача — человек полноценный. «Полноценный», значит, целостный, цельный. Поэтому цель врача, отмечает Рыбин, состоит в том, чтобы вернуть больному целостность, утраченную в результате болезни, сделать его целостным — «ис-целить», а понятие «здоровье» предполагает воссоздание универсальности — целостности, гармоничности, совершенства — человека.

В рамках гиппократовской медицины человек начинает утрачивать «объектную», чисто природную выраженность, подобную чисто природной организованности, совершая превращение из объекта природы в субъект культуры, личность. Выступая в лице субъекта и как врач, и как пациент, будучи в таком качестве обращенным к самому себе, человек предстает «в качестве ее разумно действующего источника, в качестве осознающей себя предпосылки»⁸. «Опыт отныне и не может быть утрачен, потому что акцент в его воспроизводстве перемещен на его активный источник — на субъекта, который в принципе оказывается пригодным к освоению любого вида профессиональной деятельности»⁹.

Школа Гиппократова дала мощный импульс двухтысячелетнему развитию медицины как явлению культуры. Но в результате глубоких и радикальных культурных трансформаций медицина к XIX в. постепенно модифицировалась в принципиально иную форму — естественнонаучную медицину, распавшись на две части — «технологию», т.е. теорию и практику лечения (клиническую)

⁵ Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. С. 123.

⁶ Там же. С. 269.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ Там же. С. 158.

⁹ Там же. С. 114.

медицину), занятую исправлением “поломок” в механизме человеческого тела, и “нормативную” часть, т.е. медицинскую этику, свод гуманистических нормативов, которые в виде идей врачебного долга надстраиваются над практикой”¹⁰.

Этому предшествовало формирование мировоззрения новоевропейской культуры, «утвердившей культ аналитической мысли и утилитарного разума»¹¹, которое поставило перед научным познанием иные по сравнению с античной и средневековой мыслью задачи, положило в основу производства научного знания единую рационалистическую методологию и полностью пересмотрело содержание фундаментальных понятий.

В основу философии и науки Нового времени Рене Декарт положил субъективно переживаемый и сознаваемый процесс мышления. Инструментом получения научного знания становилось мышление (духовная субстанция), а пространством, из которого оно извлекалось — природа (материальная протяженная субстанция): «Понятия материи одного только и достаточно для объяснения всего происходящего в природе — таков принципиальный тезис Декарта, составляющий краеугольный камень его учения о природе»¹².

Принципиально новым стало назначение науки — быть орудием господства человека над природой. Для этого необходимо было отождествить вымышленный мир теоретических моделей с миром реальных природных явлений. Как результат, реальный человек предстал в теории естественнонаучной медицины в качестве стандартизированной телесной модели, к которой редуцировалось изучение всего многообразия и изменчивости природы человека. Считалось, что созданный человеческими руками мир ничем не будет отличаться от настоящего, при том условии, что эффекты, полученные от использования построенного теоретического механизма (апробированные в эксперименте), совпадут с явлениями природы. Гарантом истинности человеческого познания служил Бог, неизменность которого определяла неизменность и стабильность материи.

Таким образом, стабилизирующим ориентиром преобразовательной деятельности естественнонаучной медицины являлась максимально точная модель имеющего нерукотворное происхождение природного тела человека.

«Отождествляя материю и протяжение и изгоняя из нее все, что связано с понятием силы и жизни, поскольку эти понятия связаны с традиционными представлениями о форме и душе, Декарт тем самым дает механистическое понимание природы»¹³. В связи с этим в медицине «тело, взятое как бы само по себе, идентифицировали с машиной, и любой дисбаланс в нем считался следствием какого-нибудь причинного фактора; например, инфекционного возбудителя определенного типа»¹⁴.

В основе всех естественнонаучных моделей медицины (модель Коха, функциональная модель Вирхова, «диагностическая модель» болезни, «лечебная модель» и др.) лежит именно эта «механическая и упрощенная концепция»¹⁵. Если в древнегреческой медицине здоровье выступало целью процесса лечения, и движение к воссозданию гармоничного и совершенного человека было средством, то в механицизме, изменившим свой главный вопрос природе «для чего» на вопрос «почему», «движение...теперь становится целью самой по себе»¹⁶. Это движение представляет собой последовательное исправление «поломок» механизма тела путем медицинского вмешательства.

«Человек оказывается телом среди тел, и его здоровье, как и состояние иных природных предметов, проблематизируется только при возникновении «сбоев» в процессе функционирования рабочей машины — организма, и исследуется по принципу поиска причин нарушений в цепи автоматического репродуктивного производства — по «отклонению», то есть совершенно так же, как в системе промышленности»¹⁷. Такая логика причиносообразности сделала основным предметом медицинского изучения болезнь как видимое,

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Витулкас Дж. Новая модель здоровья и болезни / Пер. с англ. А.П. Семенова. М.: Классическая медицина, 2008. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Гайденок П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Либроком, 2011. С. 114.

¹⁷ Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. С. 209.

¹⁰ Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. С. 109.

¹¹ Быховская И.М. “Человек телесный” в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). М.: ФОН, 1997. С. 68.

¹² Гайденок П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Либроком, 2011. С. 123.

очевидное нарушение функционирования телесного механизма. Здоровье же стало определяться как отсутствие болезни, а критериями, в соответствии с которыми выявлялась та или иная степень «патологичности», выступили унифицированные медицинские нормы. Естественнонаучная медицина конструировала физическую природу человека в соответствии с теоретическими схемами, которые копируют человека таким, каким, в соответствии с мировоззрением той эпохи, его создал Бог.

Именно в этом представлении о роли, данной человеку Богом, есть источник искусственности, социальной опосредованности естественнонаучной формы медицинского познания. В ней трактовка природы человека выходит за пределы объективных материальных (природных) фактов и явлений, она приобретает свойства субъективного видения, интерпретации, не где-нибудь, а именно в научном познании, стремившемся избавиться от «идолов». По той причине, что «протестантская этика оправдывала всякий труд и превращала его из тягостной повинности, каким он был ранее, в своеобразное призвание, в служение Богу — вне монастыря и церкви»¹⁸, человек был представлен в естественнонаучной медицине не только как организм, но и как индивид, к характеристике здоровья которого добавился новый акцент — работоспособность. С тех пор «функциональность и монорудийность человека целенаправленно культивируется в «системном мире» новоевропейской культуры»¹⁹.

Таким образом, научные принципы, лежащие в основе современной медиализации здоровья, являют собой саму суть механистического подхода к природе и человеку. Дальнейшее развитие научной мысли привело к трансформации в ее теории понимания «наблюдения» мира и роли наблюдателя в нем. Как пишет А.Н. Павленко, в европейской науке XX в. радикально изменилось представление об «абсолютности» — вечности, неизменности и статичности, — в результате чего «внешний мир» стал рассматриваться не как независимая от человека реальность, а как проекция внутреннего опыта человека.

Сдвиг в научной теории был заложен философией Канта, трактующего природу не как суб-

станцию, то есть нечто существующее само по себе, а как явление, законы которого существуют только в отношении к творческой активной деятельности трансцендентного Я. Своеобразный мост от рассмотрения Кантом природы (материи, пространства), как априорных форм чувственности познающего субъекта до понимания ее Полом Фейрабендом, как проекции рассудка отдельного индивида, оказался логическим завершением длительного процесса секуляризации научного познания от высшей абсолютной силы, определяющей законы бытия. В результате чего абсолютная точка отсчета, последний инвариант «был перемещен в саму материю, которая тем самым превратилась в противоположность материи, как ее понимали античность и средневековье»²⁰.

Каким образом изменившееся научное мировосприятие отразилось на современной медицинской теории и практике?

Исследование образа здоровья в средствах массовой информации показало, что в первую очередь почти окончательно размылась и без того сложно определяемая заслугами механицизма грань между естественным и искусственным. При условии сохранения в медицине основных методологических принципов механицизма, базовые медицинские понятия потеряли строго определенное значение, но приобрели возможность бесконечной интерпретации. «Выведение» из научной теории внесубъектного абсолюта, гарантировавшего стабильность и неизменность материи, привело к тому, что медицина потеряла свое объективное основание, определяющее необходимость и характер врачебного вмешательства в организм пациента — природное тело человека. Фиксированная модель тела в естествознании, сознательно созданная быть максимально приближенной к своему естественному прототипу, в современной медицине перевоплотилась в постоянно меняющуюся психическую проекцию. А способность к работе, как один из определяющих критериев здоровья в классической медицине, расширилась в рамках биомедицины до телесно выраженной способности осуществления перманентно меняющихся социальных ролей и функций, порождающих спектр востребованных форм телесности. Модификация тела стала определяться возможностью — выбором индивида, а не необходимостью — законами природы. В этом

¹⁸ Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Либроком, 2011. С. 162.

¹⁹ Рыбин В.А. Эвтанизия. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. С. 232.

²⁰ Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Либроком, 2011. С. 120.

движении, не имеющем конечной станции — цели — и оказался сконцентрирован весь редуцированный смысл полностью социализированного человека.

Медицина трансформировалась в био-власть, обладающую поистине «магической силой, протекающей из того, что она наделена правом именовать явления, обладающие фундаментальной значимостью для человеческого существования»²¹. Различия между нормой и патологией, здоровьем и болезнью, на основании которых рассматривается возможность медицинского вмешательства, во многом стали определяться социальными конвенциями. Врач-невролог М. Агеносов в статье «Как медицинские мифы становятся реальностью» пишет: «Современная медицина не только описывает и лечит болезни, но, возможно, и создает — если не сами болезни, то, по крайней мере, некоторые симптомы и проявления их... Разве не по этой причине вдруг стали «болезненными» части нашего тела — то они у нас слишком большие, то слишком маленькие, то просто какие-то неправильные... И вот уже пластический хирург укладывает пациента в прокрустово ложе идеальных форм»²². Теперь медицинское вмешательство может происходить и при отсутствии реальной телесной дисфункции, его необходимость почти полностью формируется «системным миром» с помощью образа здоровья — важнейшего индикатора «приемлемости» индивида социокультурной среде.

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что, в современной медицине Клятва Гиппократова значительно утратила свое регуляторное значение, и если ее нормы и соблюдаются, то в индивидуальной, а не массовой практике. В содержании публикаций, так или иначе касающихся деятельности медицины, не было обнаружено ни упоминаний о регулирующих ее деятельность этических основаниях, ни их скрытого присутствия. Позиционирование в СМИ медицины как центрального структурообразующего элемента рынка здоровья, и роль масс-медиа как рекламной площадки для продвижения радикальных медицинских технологий, необходимость массового применения которых весьма сомнительна,

показывает, что Клятва Гиппократова и подобные ей этические кодексы присутствуют в практике современной медицины только декларативно.

Таким образом, анализ трансформаций теории и практики научной медицины позволяет выделить несколько ключевых этапов «фиксации» человека в истории медицины.

1. Медицина зародилась с момента возникновения Клятвы Гиппократова как основание полноты знания о человеке. В центре рассмотрения древнегреческой медицины находился полноценный человек как субъект культуры, как ее разумно действующий источник. Достижение здоровья значило воссоздание целостности, гармоничности, совершенствования человека.
2. Кардинально меняется взгляд на человека и его роль в мироздании к периоду Нового времени. Наличие разума (соединенного с Богом) наделяет человека статусом малого творца природы, что не только оправдывает, но и обязывает использовать природу как протяженную в пространстве неживую и неоформленную материю для своей пользы. Это способствует зарождению в XIX в. естественнонаучной медицины, в которой человек представляется как природное тело и как индивид, а здоровье трактуется от противного как отсутствие болезней, фиксируясь в точках отклонения от работоспособности. Теория и практика медицины получает значительный крен в технологизацию, ответственную за поиск и искоренение патологического фактора. Этические кодексы принимают форму «ценностей», которые в некотором роде противостоят «технологиям», приводящим в порядок организм при тех или иных нарушениях.
3. Трансформация в научном познании представления о природе из существующей независимо от человека субстанции в проекцию внутреннего опыта привела к тому, что тело человека как фундаментальная теоретическая модель в медицине, на основе которой устанавливались медицинские нормы, от гарантированного «законами природы» свойства абсолютности сохранило только статус. К настоящему моменту тело фактически стало социальным конструктом, существенным признаком которого является постоянная изменчивость, а человек представляет собой телесно воплощенное средство осуществления социальных ролей и функций. Медицина постепенно превращается в

²¹ Юдин Б.Г. Здоровье человека как проблема гуманитарного знания // Философия здоровья. М., 2001. С. 85.

²² Агеносов М. Как медицинские мифы становятся реальностью. Отечественные записки // Отечественные записки. 2006. № 1 [Электронный ресурс — <http://www.strana-oz.ru/?numid=28&article=1204>].

систему биотехнологий, переконструирующих «неэффективную» телесную природу человека в соответствии с социальными стандартами. Ее можно охарактеризовать как промежуточный феномен между естественнонаучной медициной и, возможно, будущей формой медицинского знания, призванной управлять производством рукотворной телесности. В этой обновленной медицине Клятва Гиппократова, являющаяся квинтэссенцией культурного содержания медицинской помощи, стала не просто совершенно лишним звеном, а мешающим осуществлению ее современного назначения внутренним препятствием.

Дальнейшее активное функционирование биомедицины вполне способно в неотдаленном будущем привести к исчезновению самого человека в «созданном Богом» виде. Поэтому, на наш взгляд, чрезвычайно актуальным становится обсуждение того, что же обеспечивает социальную машину медиализации энергией для невиданных доселе преобразований природы, и почему движение такого глобального социального процесса практически не встречает сопротивления.

Иллюзии медиализации

Существенная особенность медиализации здоровья состоит в том, что агрессивная стратегия современной медицины, направленная на модификацию природы человека, не осознается абсолютным большинством индивидов. Эта завуалированность во многом достигается при помощи образа здоровья, который является уже не пассивным отражением, а специально созданным, сконструированным социальными институтами, в первую очередь СМИ, представлением. Важнейшее свойство такого образа-представления заключается в его способности превращаться в саму «жизнь», сливаться с жизнью, «заменяя собой человека и его мышление. Человек живет представлением»²³. Главное «представление», которое медиализация «дает» своей массовой аудитории — это иллюзия того, что медицина стремится найти и сохранить в человеке его природу.

В соответствии с этим современная медицина продолжает объяснять свое вмешательство естественными причинами, как будто оставаясь естественнонаучной дисциплиной. Выведение

внесубъектного абсолюта «за скобки» научной теории отнюдь не означает его исчезновение в общественном сознании. Функцию абсолюта переняла на себя биомедицина, которая оказалась единственной способной «помочь» современному человеку найти и обрести свою «естественность». Но фактически эта «естественность», которой он хочет соответствовать, не природно, а социально и культурно опосредована. Другими словами, она является не вещью-в-себе, а наделенной только человеческими (не божественными!) смыслами.

Что же заставило человека выдумать рукотворную «натуральность» и поверить в ее «объективность» и «абсолютность»? Мы предполагаем, что главной причиной этого стало стремление избавиться от извечно мучающей человека триады — страданий, старения и смерти. Безусловно, так или иначе человек всегда боролся с этими неприятными проявлениями своей природы. Но еще никогда он не убеждал себя в том, что обретение человеком вечной молодости (и больше никем из живущих на Земле) гарантируется «высшим» «божественным» порядком. В этом контексте медиализация выступает как актуальный способ перевоплощения имманентных человеческому существованию стремлений и потребностей в «объективные» критерии, которыми руководствуется наука для построения удобного для человека мира.

В традиционном обществе со страданиями, старением и смертью человек справлялся с помощью культуры, которая была победой человека, наверняка уверенного в своем исходе, над самим собой. Вероятно, в этом и заключалась движущая сила культуры. Наука Нового времени переносит решение человеческой трагедии из культурного измерения в природное. Декарт пишет: «Медицина, я думаю, могла бы дать очень много обоснованных указаний как для лечения болезней и их предупреждения, так и для замедления процесса старения, если бы мы в достаточной мере занимались изучением природы нашего тела»²⁴. Однако классическая медицина, ориентированная на «созданное Богом» тело, не смогла разрешить проблемы страдания и смерти, и впоследствии сам Бог был «вынесен за скобки», а медицина начала борьбу с человеческой природой уже в плоскости социальной.

²³ Павленко А.Н.. Теория и театр. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 185.

²⁴ Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 423.

Медиализация, таким образом, выражает стремление человека к освобождению от действия вселенских законов, обещающих ему страшную судьбу. Но это освобождение неполное, можно сказать, иллюзорное, потому что оно не подразумевает окончательного разрыва человека с чем-то гораздо более значимым и масштабным, чем он сам. Современный человек, отказываясь от неудобных для себя законов природы, в то же время не хочет отказаться от покровительства одобряющих его действия высших сил. Но так как природа (Бог) никогда не считался с волеизъявлением человека, то последнему пришлось создать себе новый, отвечающий всем его требованиям, «абсолют» — медицину. Что обернулось для природы (в том числе и человеческой) угрозой полного уничтожения.

В стремлении современного человека верить, что медицина ориентируется на внесубъектный абсолют, определяющий ее деятельность по принципу «как надо» (в отличие от «как хочется»), проявляется неспособность опереться на самого себя. Медиализация здоровья «является одновременно и симптомом, и причиной утраты автономии: у людей больше нет ни потребности, ни желания самостоятельно решать проблемы в своем окружении. Все это облегчает их отказ от общественной борьбы, лишает способности к противостоянию.

Список литературы:

1. Агеносов М. Как медицинские мифы становятся реальностью. Отечественные записки // Отечественные записки. 2006. № 1 [Электронный ресурс — <http://www.strana-oz.ru/?numid=28&article=1204>].
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Быховская И.М. «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). М.: ФОН, 1997. 209 с.
4. Витулкас Дж. Новая модель здоровья и болезни / Пер. с англ. А.П. Семенова. М.: Классическая медицина, 2008. 240 с.
5. Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Либроком, 2011. 376 с.
6. Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
7. Дюпюи Ж.-П. Медицина и власть. Отечественные записки // Отечественные записки. 2006. № 1 [Электронный ресурс — <http://www.strana-oz.ru/?numid=28&article=1201>].

В патогенном социуме медицина играет роль алиби»²⁵. Былая роль человека как созидателя, строителя своего мира на основе покорения естественной среды заменяется на пассивную позицию приспособления к искусственно созданной среде. «Человек превратился в раба им же самим созданной машины»²⁶, что оказалось единственным доступным ему способом превратить представления о жизни, какой он всегда хотел ее видеть, в саму жизнь. Культура, которая всегда была правилом, стала навязчивым поощрением.

Сложность существования человека заключается в его оторванности от природы как осознающей себя жизни, вследствие чего он вынужден был создать собственный рукотворный, специфически человеческий мир, свой «дом» — культуру. «В этом смысле отношение человека к природе изначально опосредствуется культурой, причем именно искусственное, «социокультурно обусловленное» выступает в качестве проявления подлинности человеческого существования»²⁷. Единственный шанс современного человека сохранить себя в том виде, котором он сам себя мыслил, заключается, на наш взгляд, в следовании четко осознаваемой соразмерности природе, которая возможна лишь на основе динамического характера культуры — постоянного преодоления человеком самого себя.

²⁵ Дюпюи Ж.-П. Медицина и власть. Отечественные записки // Отечественные записки. 2006. № 1 [Электронный ресурс — <http://www.strana-oz.ru/?numid=28&article=1201>].

²⁶ Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 15.

²⁷ Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. С. 57.

8. Нижников С.А. Пути обретения здоровья и мировоззрение // Философия здоровья. М., 2001. С. 5-24.
9. Павленко А.Н. Теория и театр. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 234 с.
10. Рыбин. В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. 328 с.
11. Фесенкова Л.В., Шаталов А.Т. Мировоззренческий и научный статус валеологии (к проблеме построения общей теории здоровья) // Философия здоровья. М., 2001. С. 111-130.
12. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ: Астрель, 2011. 349 с.
13. Юдин Б.Г. Здоровье человека как проблема гуманитарного знания // Философия здоровья. М., 2001. С. 62-87.

References (transliteration):

1. Agenosov M. Kak meditsinskie mify stanovyatsya real'nost'yu. Otechestvennye zapiski // Otechestvennye zapiski. 2006. № 1 [Elektronnyy resurs — <http://www.strana-oz.ru/?numid=28&article=1204>].
2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M.: Progress, 1989. 616 s.
3. Bykhovskaya I.M. «Chelovek telesnyy» v sotsiokul'turnom prostranstve i vremeni (ocherki sotsial'noy i kul'turnoy antropologii). M.: FON, 1997. 209 s.
4. Vitulkas Dzh. Novaya model' zdorov'ya i bolezni / Per. s angl. A.P. Semenova. M.: Klassicheskaya meditsina, 2008. 240 s.
5. Gaydenko P.P. Istoriya novoevropeyskoy filosofii v ee svyazi s naukoj. M.: Librokom, 2011. 376 s.
6. Dekart R. Opisanie chelovecheskogo tela. Ob obrazovanii zhivotnogo. Sochineniya v 2-kh t. T. 1. M.: Mysl', 1989. 654 s.
7. Dyupyui Zh.-P. Meditsina i vlast'. Otechestvennye zapiski // Otechestvennye zapiski. 2006. № 1 [Elektronnyy resurs — <http://www.strana-oz.ru/?numid=28&article=1201>].
8. Nizhnikov S.A. Puti obretneniya zdorov'ya i mirovozzrenie // Filosofiya zdorov'ya. M., 2001. S. 5-24.
9. Pavlenko A.N. Teoriya i teatr. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. 234 s.
10. Rybin V.A. Evtanaziya. Meditsina. Kul'tura: Filosofskie osnovaniya sotsiokul'turnogo krizisa v mediko-antropologicheskom aspekte. Izd. 2-e. M.: Librokom, 2009. 328 s.
11. Fesenkova L.V., Shatalov A.T. Mirovozzrencheskiy i nauchnyy status vaeologii (k probleme postroeniya obshchey teorii zdorov'ya) // Filosofiya zdorov'ya. M., 2001. S. 111-130.
12. Fromm E. Chelovek dlya samogo sebya. M.: AST: Astrel', 2011. 349 s.
13. Yudin B.G. Zdorov'e cheloveka kak problema gumanitarnogo znaniya // Filosofiya zdorov'ya. M., 2001. S. 62-87.